

РЖАВЫЙ ФАРВАТЕР

ИГОРЬ МОЛЧАНОВ

Игорь Молчанов

Ржавый фарватер

<https://litres.ru/74632793>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрьские заморозки сковывают бухту Приморска первым тонким льдом, а в сырой конторе на Портовой появляется женщина со свёртком, от которого разит трюмной соляжкой и бедой. Полгода назад старший механик сухогруза «Капитан Громов» Павел Верещагин пропал без вести во время ночного шторма на внешнем рейде. Следствие списало всё на несчастный случай и пьяную неосторожность. Но вчера вдове подбросили его рабочую штормовку — сухую, без следов морской соли, со странной ломбардной квитанцией и ключом от почтового ящика в подкладке.

Частный детектив Виктор Ланской берётся за дело, которое пахнет большими деньгами и старой ржавчиной. Погружаясь в изнанку судоремонтных доков, таможенных терминалов и кладбища списанных кораблей в Лисьей губе, он понимает: механик не падал за борт. Он стал свидетелем того, что должно было навеки остаться на дне залива.

Игорь Молчанов

Ржавый фарватер

Ржавый фарватер

Психологический детектив

Аннотация

Ноябрьские заморозки сковывают бухту Приморска первым тонким льдом, а в сырой конторе на Портовой появляется женщина со свёртком, от которого разит трюмной соляжкой и бедой. Полгода назад старший механик сухогруза «Капитан Громов» Павел Верещагин пропал без вести во время ночного шторма на внешнем рейде. Следствие списало всё на несчастный случай и пьяную неосторожность. Но вчера вдове подбросили его рабочую штормовку — сухую, без следов морской соли, со странной ломбардной квитанцией и ключом от почтового ящика в подкладке.

Частный детектив Виктор Ланской берётся за дело, которое пахнет большими деньгами и старой ржавчиной. Погружаясь в изнанку судоремонтных доков, таможенных терминалов и кладбища списанных кораблей в Лисьей губе, он понимает: механик не падал за борт. Он стал свидетелем того, что должно было навеки остаться на дне залива.

Глава 1. Запах соляжки

Вторую неделю над Приморском висела ноябрьская хмарь — та зябкая, пограничная пора, когда осенние ливни уже выдохлись, а настоящий снег ещё не набрал силы. По утрам чёрную маслянистую воду у причалов затягивало тонким, как папиросная бумага, ледком, который с сухим стеклянным шорохом ломали проходящие буксиры.

В конторе на втором этаже по Портовой, двенадцать, было зябко. Чугунный стояк за фанерной перегородкой привычно и глухо гудел, но батареи оставались едва тёплыми — ко-

тельная рыбного порта с октября сэкономила мазут. Виктор Ланской сидел за столом в расстёгнутом сером свитере грубой вязки и чистил перочинным ножом засорившийся мундштук старой трубки, которую давно не курил, но продолжал крутить в пальцах, когда думал. На краю столешницы, у самого локтя, лежала фотография Нади в деревянной рамке — стеклом вниз. Три года прошло с той ночи на Набережной, а он всё ещё не мог заставить себя встретиться с её улыбкой взглядом.

Длинная люминесцентная лампа под потолком замигала, сухо щёлкнула дросселем и залила комнату мертвенным светом. Почти одновременно с этим внизу, на деревянной лестнице, раздались осторожные, неровные шаги. Кто-то долго стоял перед дверью приёмной, словно собираясь с духом, прежде чем негромко, костяшками пальцев, тронуть филёнку.

— Входите, открыто, — сказал Виктор, откладывая нож в жестяную банку со скрепками.

В кабинет вошла женщина лет тридцати пяти. Худая, узкоплечая, в тёмном драповом пальто, явно перешитом из старого материнского, и сером шерстяном берете, сдвинутом набок. Лицо серое, под глазами синева — такие лица бывают у людей, которые давно не спят. В руках она держала объёмистый свёрток из плотной обёрточной бумаги, перетянутый бельевым шнуром.

— Виктор Сергеевич Ланской? — голос у неё оказался

тихим, но твёрдым, без слезливой дрожи.

— Он самый. Присаживайтесь. Чайник только вскипел, если с мороза.

— Спасибо, я не замёрзла, — она не села на предложенный стул, а шагнула вплотную к столу и положила свёрток прямо на пачку старых ведомостей. — Меня зовут Вера Николаевна Верещагина. Мне ваш адрес дал Игнат Фокин со старой лодочной станции. Сказал, вы раньше в розыске служили и не берёте чужих денег за пустые слова.

Виктор посмотрел на её руки. Кожа на запястьях потрескалась от хлорки, ногти коротко острижены, на безымянном пальце правой руки — тонкое серебряное колечко поверх старого, выцветшего следа от широкого золотого обручального кольца. Кольцо продали недавно — кожа под ним ещё не успела сравняться цветом с остальной кистью.

— Фокин много чего говорит, — сдержанно ответил Виктор. — С чем пришли, Вера Николаевна?

— С мужем, — она развязала тугой узел шпагата и развернула бумагу.

По кабинету мгновенно поплыл густой, въедливый запах машинного отделения: тяжёлый флотский соляр, перегоревшее веретённое масло, ржавая окалина и ещё что-то тонкое, чужеродное — горьковатый, аптечный дух миндаля. На столе лежала тёмно-синяя флотская канадка на искусственном меху, с потёртыми кожаными вставками на локтях и следами белой краски на левом рукаве.

— Верещагин Павел Ильич, — произнесла женщина, глядя на куртку так, словно та была живым существом. — Старший механик теплохода «Капитан Громов». Сухогруз приписан к нашему порту, ходит под флагом компании «Норд-Транс-Логистик». Двадцать второго мая этого года, возвращаясь из рейса, судно попало в шторм в тридцати милях от Стрелки. По рапорту капитана, в три часа ночи Паша вышел на верхнюю палубу проверить крепление аварийного генератора, оступился на обледенелом трапе и ушёл за борт.

— Помню эту сводку, — Виктор нахмурился, припоминая весенние газеты. — Там ещё транспортная прокуратура проверку проводила. Кажется, в каюте нашли початую бутылку водки?

— Нашли, — губы Веры Николаевны жёстко сжались. — Полбутылки дешёвой «Столичной» на столе и стакан с его отпечатками. Следователь из линейного отдела, молодой такой, с золотой цепочкой поверх водолазки, мне прямо в лицо сказал: «Муж ваш, гражданка, в шторм пьяный без страховочного пояса на палубу полез. Нарушение техники безопасности. Страховка семье не положена, дело закрыто за отсутствием состава преступления».

Она подняла на Виктора сухие, горящие глаза:

— Паша не пил семь лет, Виктор Сергеевич. Ни капли. Даже на Новый год шампанское не пригублял. У нашей дочки, Машеньки, врождённый порок сердца. Мы каждую копейку на операцию в Новосибирске откладывали. Он в этот

рейс пошёл с температурой, потому что обещали двойные премиальные за срочный фрахт. И ещё одно... В этой куртке он уходил в море двадцатого мая. Я сама ему молнию на груди застёгивала. А вчера вечером, в половине десятого, в мою дверь позвонили. Я открыла — на площадке никого, только внизу дверь подъезда хлопнула. А на коврике лежала эта кандака, завёрнутая в бумагу.

Виктор медленно протянул руку и провёл ладонью по жёсткому сукну рукава. Ткань была совершенно сухой, ворс на воротнике мягким, без характерной белесой корки, которая неизбежно остаётся на одежде после контакта с морской водой.

— Куртка не была в воде, — констатировал он.

— Не была, — кивнула Вера. — И Паша никогда не выходил на вахту без неё — в рубке управления сквозняки жуткие. Если он упал за борт, куртка должна была утонуть вместе с ним. Или остаться в каюте, но тогда капитан вернул бы её мне ещё в мае вместе с его часами и бритвой. А она полгода где-то лежала. И вот что я нащупала сегодня утром за подкладкой, у самого подола.

Она достала из кармана пальто два предмета и положила на чистый лист бумаги перед Виктором.

Первым оказался маленький плоский ключик из жёлтой латуни с выбитым номером «214». Вторым — сложенный вчетверо, пожелтевший бланк из дешёвой газетной бумаги со штампом: «Ломбард „Якорь“, ул. Привокзальная, 8. Зало-

говый билет № 0489 от 14 сентября».

— Четырнадцатое сентября, — тихо проговорил Виктор, поднося квитанцию к свету лампы. — Через четыре месяца после того, как вашего мужа официально признали погибшим в море. В графе «Предмет залога» значится: «Хронометр морской палубный в деревянном футляре, заводской номер 7719». Фамилия сдатчика — Корнев А.П.

— Это Пашин хронометр, — голос женщины впервые дрогнул. — Отцовский подарок, ещё с советского траулера. Он возил его с собой в каждый рейс как талисман.

Виктор откинулся на спинку скрипучего стула и посмотрел на светлый прямоугольник выцветших обоев на стене.

— Вера Николаевна, вы понимаете, что у меня расценки не государственные? А вы только что продали обручальное кольцо, чтобы прийти сюда.

Она вспыхнула, инстинктивно спрятав правую руку за спину:

— У меня есть тридцать тысяч. Это всё, что осталось от неприкосновенного запаса, остальное на целевом счёте в банке под операцию Маши, я их не трону. Если этого мало — я подпишу долговую расписку. Я швея-надомница, буду выплачивать по пять тысяч в месяц. Только найдите его, Виктор Сергеевич. Живого или мёртвого. Мне нужно знать, кто подбросил эту куртку и почему мой муж четыре месяца спустя после своей смерти закладывал отцовские часы.

Виктор молча выдвинул ящик стола, достал чистую об-

щую тетрадь в клеёночато́й обложке, отсчитал из протянутой ею пачки ровно пять тысячных купюр — на бензин и мелкие расходы, — а остальные придвинул обратно к краю стола.

— Остальное спрячьте. Дочке пригодится. Если найду Павла Ильича — с него и стребую по полному тарифу. Оставьте куртку, квитанцию и ключ. И запишите телефон капитана «Громова».

Глава 2. Хронометр с двойным дном

Улица Привокзальная встретила Виктора привычной какофонией портовой окраины: лязгом маневровых тепловозов за бетонным забором, сиплыми гудками паромов и чадом дешёвых чебуречных. Снежная крупа сыпала косо, забиваясь за воротник штормовки и мгновенно тая на грязном асфальте.

Первым делом Ланской заглянул в здание старого почтамта у вокзальной площади. Латунный ключ с номером «214» идеально подошёл к секции абонентских ящиков в левом крыле зала, где пахло сургучом, пыльной макулатурой и мокрыми зонтами.

Виктор повернул ключ на два оборота и откинул жестяную дверцу.

Внутри было пусто — ни писем, ни извещений. Только на самом дне, в углу, белел крошечный комочек сухой серой глины, перемешанной с мелкой ракушечной крошкой и металлической стружкой. Виктор аккуратно сгрёб находку в чистый бумажный конверт. Абонентский ящик явно вычистили совсем недавно — возможно, вчера вечером, перед тем как отнести куртку на порог квартиры Верещагиных. Дежурная за стойкой, лениво перелистывавшая кроссворд, на вопрос об арендаторе ячейки № 214 лишь развела руками: договор оформлялся на год вперёд на имя какого-то приезжего экспедитора по временному удостоверению личности, камеры в этом крыле зала не работали с позапрошлой зимы.

Ломбард «Якорь» располагался через дорогу, в полупод-

вальном помещении дореволюционного купеческого лабаза. Ступени вели вниз, под низкий кирпичный свод, забранный толстой стальной решёткой.

За бронированным стеклом с узким лотком для передачи вещей сидел Борис Моисеевич — старый часовщик и скупщик, которого Виктор знал ещё со времён работы в районном отделе милиции. Когда-то Ланской помог вернуть старику партию краденых серебряных портсигаров, не пуская дело в официальный оборот с изъятием вещдоков на годы, и с тех пор Борис Моисеевич платил ему редкой в этих краях валютой — короткой памятью на чужие вопросы и длинной на лица.

— О, какие люди в нашем болоте, — оценщик сдвинул чёрную эбонитовую лупу на лоб и прищурил слезящиеся глаза. — Витя, ты ли это? Говорят, ты совсем в отшельники подался, только бракоразводные дразги по квитанциям разбираешь.

— Не верь слухам, Борис Моисеевич. Бракоразводные дела плохо пахнут, я больше по старому железу, — Виктор положил в металлический лоток жёлтый бланк залогового билета. — Четырнадцатое сентября. Хронометр палубный. Срок выкупа истёк две недели назад. Не ушёл ещё с молотка?

Старик взял бумажку двумя пальцами, поправил очки на переносице и недовольно покачал головой:

— Срок-то вышел, Витя, да кто ж его сейчас купит? Раньше моряки брали для шика, а теперь всем электронику по-

давай. Лежит твой «Полет» на третьей полке. Отличная машина, первый московский часовой завод, семьдесят восьмой год, ход как у швейцарского банка.

— Выкупаю, — Виктор достал приготовленные деньги. — И Расскажи мне, Борис Моисеевич, про гражданина Корнева А.П., который принёс эту вещь в сентябре. Полагаю, на старшего механика сорока лет он был мало похож?

Часовщик тяжело вздохнул, ушёл в глубь подсобки, загромыхал железными ящиками сейфа и вернулся с увесистой квадратной шкатулкой из тёмного красного дерева с потускневшими латунными уголками.

— Какой там старший механик, Витя... Принёс его пацан. Лет двадцати трёх от силы, худой, дёрганный, в болоньевой куртке не по размеру. Правая рука под курткой в бинтах была, пальцы свежей зелёнкой залиты — явно ожог или тросом на лебёдке сорвало. Паспорт сунул на имя Алексея Корнева, прописка областная, посёлок Лесной. Глаза бегают, всё на входную дверь оглядывался. Просил три тысячи рублей, даже торговаться не стал, хотя красная цена этим часам в базарный день — все пятнадцать.

— Он что-нибудь говорил?

— Буркнул только: «Борис Моисеевич, вы их месяц не выставляйте на витрину, за ними человек придёт, выкупит по этому билету». Я глянул — часы не в розыске, по сводкам краж не проходят, ну и принял от греха подальше. Больше этот Корнев не появлялся.

Виктор забрал деревянный футляр, отсчитал сумму выкупа с процентами и вышел на улицу. Сел в свой промёрзший «УАЗ», припаркованный за углом у водопроводной колонки, и открыл крышку шкатулки.

Под толстым скошенным стеклом в карданном латунном подвесе мерно, глухо тикал большой белый циферблат с воронёными стрелками. Часы были заведены совсем недавно — вероятно, сам старик-оценщик подкручивал пружину раз в неделю, чтобы не загустела смазка.

Виктор вынул корпус часов из деревянного гнезда и перевернул. Нижняя часть футляра была подбита выцветшим зелёным сукном. Однако в одном углу сукно топорщилось, словно его поддевали лезвием ножа и потом наспех прижали обратно на старый столярный клей.

Кончиком перочинного ножа Ланской осторожно отогнул жёсткую ткань.

В выборке дерева под подвесом зияло неглубокое квадратное углубление. Тайник был пуст — то, что там прятали, явно перекочевало в абонентский ящик № 214, а оттуда — в руки неизвестного, который вчера забрал почту. Но на дне деревянной ниши отпечатался чёткий жирный след от металлического предмета, густо смазанного консервирующим солидолом, и прилип обрывок перфорированной телеграфной ленты от судового самописца — курсографа.

На узкой бумажной полоске фиолетовыми чернилами проступали цифры координат и отметка времени: «22.05 /

01:40 / 59°42' С.Ш. — Дрейф. Машина стоп».

Виктор долго смотрел на этот клочок бумаги.

По официальному вахтенному журналу, который исследовала прокуратура, в час сорок ночи двадцать второго мая сухогруз «Капитан Громов» шёл полным ходом на восьми узлах сквозь восьмibalльный шторм в двадцати милях южнее этой точки, а Верещагин упал за борт только в три часа ночи.

Зачем целому сухогрузу в разгар шторма полтора часа стоять с заглушенным главным двигателем в стороне от судоходного фарватера, у самых отмелей Лисьей губы? И почему старший механик перед исчезновением вырвал кусок ленты самописца и спрятал его на дне своих часов?

Глава 3. Архив в прокуренном кабинете

Линейный отдел полиции в морском порту занимал правое крыло старого кирпичного пакгауза за таможенным терминалом. Здесь всегда пахло одинаково: дешёвым табаком, мокрой шерстью форменных бушлатов и хлоркой из дежурного туалета.

Виктор прошёл мимо сонного сержанта на вертушке — его здесь ещё помнили в лицо — и поднялся на второй этаж по стёртым бетонным ступеням.

За дверью с табличкой «Начальник ОУР майор полиции Ремез К.В.» громко работал радиоприёмник, заглушая шум

портовых лебёдок за окном.

Костя Ремез за последние три года раздался в плечах, обзавёлся тяжёлой одышкой и глубокими залысинами, но взгляд сохранил прежний — цепкий, чуть усталый взгляд оперативника, через руки которого ежедневно проходит вся припортовая накипь. Увидев на пороге бывшего напарника, он молча выключил радио, достал из сейфа початую пачку «Явы» и кивнул на дерматиновый стул у стены.

— Какими судьбами, Витя? Опять чужие скелеты по чердакам ищешь?

— Ищу, Костя. Помоги поднять один отказной за май этого года. Сухогруз «Капитан Громов», старший механик Верещагин. Следователь у вас молодой вёл, кажется, Круглов.

Ремез криво усмехнулся, выпуская струйку дыма в откинутую фрамугу окна:

— Стасик Круглов. Племянник замначальника областного управления транспорта. Парень хваткий: за полгода три звания и новенькая «Мазда» у крыльца. Помню я этого твоего Верещагина. Муторная была история, Витя. Честно тебе скажу — с душком.

— В чём душок? — Виктор подался вперёд.

— А ты сам глянь, — Ремез тяжело поднялся, подошёл к железному архивному шкафу в углу, где хранились копии прекращённых проверок за текущий год, и бросил на стол тонкую синюю папку. — У меня дубликат остался, оригинал в прокуратуру ушёл. Листай, у тебя десять минут, пока Ста-

сик с обеда не вернулся.

Виктор быстро развязал тесёмки. Тридцать восемь страниц формальных отписок: рапорт капитана сухогруза Жданова И.С., объяснения второго механика, вахтенного штурмана и моториста Корнева Алексея Петровича — того самого парня из ломбарда.

Согласно показаниям экипажа, вечером двадцать первого мая старший механик Верещагин жаловался на головную боль и подавленное состояние из-за болезни дочери, закрылся в своей каюте, а около двух часов ночи вахтенный моторист Корнев видел, как тот в сильном подпитии поднимался по трапу на палубу в одном свитере, без штормовки и спасжилета. В три часа ночи, когда сменилась вахта, механика в машинном отделении не оказалось. Капитан объявил тревогу «Человек за бортом», судно развернулось, два часа утюжило квадрат прожекторами, но при волне в четыре метра и температуре воды плюс шесть градусов шансов найти человека не было.

Виктор перевернул страницу к фототаблицам осмотра каюты старшего механика, сделанным оперативной группой по приходу судна в Приморск утром двадцать второго мая.

Снимки были чёрно-белыми, зернистыми, распечатанными на дешёвом лазерном принтере, но глаз старого следователя мгновенно выхватил три кричащих несоответствия.

— Костя, — тихо позвал Виктор, разворачивая папку к майору. — Ты эти карточки сам смотрел или Круглов без

тебя подшивал?

Ремез подошёл, оперевшись тяжёлыми ладонями о край стола, и уставился на снимок письменного стола в каюте.

— Смотрел мельком. А что там не так? Бутылка, стакан, пепельница с окурками...

— Во-первых, пепельница, — палец Виктора уткнулся в угол фотографии. — В ней шесть окурков сигарет с белым фильтром, марка «Парламент». Верещагин курил только крепкие папиросы без фильтра или дешёвую «Приму», но последние три года вообще бросил из-за сердца дочери — в доме даже запаха табака не переносил. Во-вторых, посмотри на иллюминатор над столом и на полку с техническими формулярами. Судно, по словам капитана, четыре часа трепало в восьмибалльный шторм с креном до двадцати пяти градусов. При такой качке в каюте слетает всё, что не прикручено к переборкам. А здесь пустая полулитровая бутылка и гранёный стакан стоят на гладкой полированной столешнице без буртиков — ровно посередине, ни миллиметра сдвига, ни капли пролитой водки на клеёнке. Эту натюрмортную композицию выставили на стол уже тогда, когда «Громов» стоял на спокойной воде у причальной стенки в нашем порту, за полчаса до прихода Круглова!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.